

Российская академия наук
Институт славяноведения

**Исследования по славянской
диалектологии**

16

Грамматика славянских диалектов.
Механизмы эволюции. Утраты и инновации.
Историко-типологические явления

Москва 2013

Редколлегия издания:

к. ф. н. М. М. Алексеева
к. ф. н. Д. Ю. Ващенко (Анисимова)
д. ф. н. А. Ф. Журавлев
д. ф. н. Л. Э. Калнынь
М. Н. Толстая

Отв. редактор выпуска:

д. ф. н. Л. Э. Калнынь

Рецензенты выпуска:

д. ф. н. В. С. Ефимова
к. ф. н. И. И. Исаев

16-й выпуск серийного издания «Исследования по славянской диалектологии» содержит статьи, посвященные рассмотрению грамматических особенностей славянских диалектов. Явления грамматики рассматриваются в широком аспекте — это образование отдельных морфем и парадигм, средства словообразования, семантика грамматических категорий. Предлагается также опыт построения именной словообразовательной модели, по правилам которой сочетаются именные и суффиксальные морфемы в частной диалектной системе (ЧДС). Грамматика славянских диалектов определенным образом реагирует на контакты с иноязычным окружением. Результаты этих контактов описаны на материале польского, чешского, словацких и севернорусских говоров, а также славянского диалекта в албаноязычном окружении. В ряде статей публикуются записи диалектных текстов. Выпуск представляет интерес для тех, кто интересуется грамматическим устройством славянских языков/диалектов в их динамике и современном состоянии.

The 16th issue of the series “Studies in Slavic Dialectology” contains articles devoted to the grammatical particularities of Slavic dialects. The grammatical events are examined widely, as a formation of different morphemes and paradigms, as means of word formation, as semantics of grammatical categories. The experience of creating substantial and suffixal morphemes in a dialectal system is also discussed. Grammar of the Slavic dialects has a particular reaction to the contacts with foreign environment. Results of such contacts are described through examples of Polish, Czech, Slovak and North Russian dialects, as well as a Slavic dialect existing in the Albanian surrounding. In some articles transcripts of dialectal texts are published. This issues is useful for those, who are interested in grammar of Slavic languages/dialects in its developmental dynamics and current state.

Содержание

<i>Предисловие</i>	5
<i>П. Е. Гриценко</i> . Грамматический портрет диалекта	9
<i>П. Жиго</i> . К проблеме картографирования субстантивных парадигм в диалектах славянских языков	37
<i>Т. В. Попова</i> . Категория рода и перестройка типов склонения существительных в восточнославянских диалектах	48
<i>О. А. Абраменко, С. Л. Николаев, А. В. Тер-Аванесова, М. Н. Толстая</i> . Системы соотношения gen. и dat.-loc. <i>a</i> -основ в восточнославянских языках: сравнительно-исторический аспект	63
<i>А. Эркер</i> . Формы настоящего времени в белорусском смешанном говоре на балто-славянском пограничье	166
<i>Г. К. Венедиктов</i> . Об аналогическом преобразовании презентной основы некоторых глаголов в болгарских говорах	179
<i>А. Р. Чернявский</i> . Формы глаголов 1 л. мн. ч. настоящего времени в белорусских говорах Общеславянского лингвистического атласа	190
<i>В. П. Русак</i> . Морфонология белорусских диалектных глаголов	196
<i>Н. Е. Анянзева</i> . Морфология глагола в польском говоре с. Вершина Иркутской обл.	203
<i>А. В. Тер-Аванесова</i> . Производные формы глагольной парадигмы и некоторые отглагольные частицы в одном среднерусском говоре	211
<i>Л. Э. Калнынь</i> . Флексия им. ед. м. р. местоименных прилагательных как особенность русских диалектов	240
<i>Е. С. Лунькова</i> . Опыт описания частной морфемной модели в смоленских говорах	247
<i>А. Ф. Журавлев</i> . Возвращаясь к проблеме категории числа у русского наречия	257
<i>С. И. Иорданиди</i> . К истории некоторых непродуктивных именных суффиксов в русском языке	277
<i>И. А. Букринская, О. Е. Кармакова</i> . Способы выражения собирательности в русских говорах: грамматика и семантика	292

<i>С. С. Скорвид, Д. К. Поляков.</i> О проницаемости грамматической системы в ситуации межъязыковой интерференции в говоре потомков чешских переселенцев на Северном Кавказе	305
<i>С. А. Мызников.</i> О грамматических аспектах прибалтийско-финского и севернорусского языкового взаимодействия: каузативные глаголы	338
<i>М. М. Макарецв.</i> Система личных местоимений в славянском говоре с. Бобоштица (округ Корчи, Албания)	349
<i>Д. Ю. Ващенко (Анисимова).</i> Неопределенные местоимения в словацких диалектах на фоне словацко-венгерских контактов	364
<i>Г. С. Кобиринока.</i> Украинские диалекты в свете лексикографии	370

Система личных местоимений в славянском говоре с. Бобоштица (округ Корчи, Албания)*

Село Бобоштица (алб. *Boboshticë*; бобошт. диал. *Boboštica/Boboščica*) находится примерно в семи километрах на юг от албанского города Корча (*Korçë*). На сегодняшний день там живет шесть носителей островного славянского говора. Кроме того, какое-то количество носителей диалекта проживает в Тиране и Корче, где они оказались в результате трудовой миграции, а также в других городах и странах. Значительные перемены в национальном и языковом облике села происходили на протяжении второй половины XX века. Еще в работе А. Мазона (Mazon 1936) указывается, что в большей части 187 домов села живут славяне¹. По мере миграции коренных жителей, село заселялось арумынами и албанцами. На настоящий день в селе проживает около 1400 жителей (Steinke, Ylli 2007), среди которых арумыны, албанизированные арумыны, славяне, албанизированные славяне и албанцы. В качестве *lingua franca* в селе используется албанский. Все носители славянского говора двуязычны, при этом уровень владения родным языком колеблется от очень уверенного до низкого. Носители говора могут использовать его в общении между собой, но обычно используют албанский. Кроме того, есть небольшое количество албанцев (находящихся в родстве или свойстве с носителями говора), которые в определенном объеме владеют славянским диалектом. Сами носители называют свой диалект *kajnas*², досл. ‘у нас’ или ‘как мы’ (Dhamko 2010: 15) — это название и будет использоваться в настоящей работе. В определении своей национальной принадлежности носители колеблются — некоторые называют себя македонцами, некоторые — болгарями. При интерпретации языкового материала, получаемого от носителей,

* Работа выполнена по теме Программы Президиума РАН «Балканский текст в этнокультурной и этнолингвистической перспективе» (рук. Т. В. Цивьян).

¹ А. Мазон не указывает точного количества жителей, но К. Штайнке и Дж. Юллы предполагают на основе указанного количества домов, что оно достигало 2000.

² Носители также используют словосочетание *kajnas jazik* ‘язык кайнас’. Французский исследователь М. Куртьяд на основе лексикостатистического анализа списка Сводеша приходит к выводу, что кайнас следует признать отдельным южнославянским языком (Courthiade 1993: 323). На наш взгляд, при определении статуса идиома следует принимать во внимание также социоллингвистические факторы, поэтому в настоящей статье мы определяем кайнас как островной славянский говор, без указания его языковой принадлежности. При сравнении его с болгарским и македонским литературными языками слово «литературный» в их обозначении для краткости опускается.

следует учитывать не только их двуязычность, но и их образование и опыт общения с носителями других языков: некоторые носители диалекта и их родственники учились во французском лицее в Корче, в Праге, Кракове, Париже и Москве. Из двух носителей, записи речи которых использовались при подготовке настоящей статьи, один — Ильо Кунешка (1925 г. р.) — закончил Французский лицей в Корче и Пражский университет, владеет греческим, чешским, французским, русским; вторая — Эльпи Манчо (1936 г. р.) — до пенсии работала учительницей албанского языка в сельской школе.

Настоящая работа основывается на нескольких источниках. В 2007 г. К. Штайнке и Дж. Юллы опубликовали монографию «Славянские меньшинства в Албании» (Steinke, Ylli 2007), в которой описали современную грамматическую систему говора и опубликовали почти двухчасовые расшифрованные записи говора, а также текст об истории села, записанный информантом И. Кунешкой (около 2000 слов). В этой монографии в основу описания бобоштенского говора положены записи информантов И. Кунешки и С. Бамбулы. (Большинство записей сделаны с И. Кунешкой.) Кроме того, в сентябре 2010 года во время стажировки в Государственном университете Тираны и Институте культурной антропологии и искусствазнания мы провели лингвистическую экспедицию в Бобоштицу. Было записано около трех часов живой диалектной речи (основная тематика — праздники и традиции, фольклор, история села и история семьи информантки Э. Манчо), из которых на настоящий момент расшифрован материал объемом в 8300 слов. Э. Манчо записывает фольклор Бобоштицы самостоятельно (см. приложение), но поскольку нас интересовала в первую очередь спонтанная речь, ее заметки учитываются в меньшей степени.

Система личных местоимений в говоре — прекрасная иллюстрация современных изменений, происходящих в говоре, как под влиянием албанского языка, так и в силу внутрисистемных факторов³.

Материал, опубликованный в монографии К. Штайнке и Дж. Юллы, наиболее подробно описывает речь одного носителя — И. Кунешки. В силу традиций, связанных с гендером, И. Кунешка долгое время проработал вне села, владеет греческим, чешским, французским и русским языками (а также регу-

³ Говор Бобоштицы достаточно давно привлекает исследователей: кроме работы А. Мазона (часть I: Mazon 1936; часть II: Mazon, Filipova-Vajrova 1965), ему посвящены работы Šrámek 1934, Видоески 1981; Courthiade 1988 и 1993; Спасов 2001, а также Steinke, Ylli 2007. Говор представлен и в Общеславянском лингвистическом атласе (пункт 106, обследован в 1972 г. Л. Джамо-Джаконицей: ОЛА 1994: 74).

лярно слушает македонское радио), и в его речи очень ярко проявляется языковая интерференция, для которой достаточно сложно определить источник, а в некоторых случаях, по-видимому, источник не один: помимо албанского языка, это македонский⁴ и (иногда) чешский⁵. При этом пока сложно сказать, в какой мере эта интерференция носит системный характер, а в какой имеет характер переключения кодов от случая к случаю под влиянием дискурсивных факторов. В то же время, И. Кунешка дифференцирует свой родной говор и иноязычные включения: при просьбе повторить или объяснить употребление таких включений он, как правило, замечает: «Это на таком-то языке, а на кайнас следовало бы сказать так-то».

Речь Э. Манчо значительно отличается от речи И. Кунешки. Источником интерференции в большинстве случаев является албанский язык, поскольку всю свою жизнь эта информантка прожила в селе и владеет только двумя языками — своим диалектом и литературным албанским, который она преподавала в школе. Ее речь дает совершенно иную перспективу для рассмотрения системы говора.

Помимо этого, если К. Штайнке, Дж. Юллы и М. Куртъяда больше интересуется «идеальное состояние» системы говора (в том же смысле, в каком мы говорим об «идеальном газе»), то мы обратим внимание на новые элементы, которые появились в говоре в процессе контакта с другими языками (прежде всего с албанским), а также на те элементы, которые говор утратил. В случае необходимости мы также будем обращаться к монографии А. Мазона и большой обзорной статье М. Куртъяда. Впрочем, при сравнении с тем этапом развития говора, который описал Мазон, заметно значительное количество инноваций, в основном обязанных своим появлением интерференции с албанским. Албанские заимствования (слова и конструкции) в речи информантов отмечаются курсивом, при их записи используется современная албанская орфография. Ударение выделяется подчеркиванием. Информанты обозначаются следующим образом: Э. Манчо — ЕМ, И. Кунешка — ИК (по нашим записям), ИК-StY (по записям Штайнке и Юллы).

⁴ Например, использование македонского форманта будущего времени *k'e* вм. *kajnas* — однако при просьбе повторить высказывание Ильо использует *ža*, отмечая, что *k'e* используется в македонском.

⁵ Наиболее яркий пример — использование перфекта по модели *(j)sem bil* вместо аориста (при том, что в говоре используется перфект по модели *imam bandženo*, а л-формы используются только как адмиратив).

Современное описание фонетики говора сделано К. Штайнке и Дж. Юллы. Мы используем их систему записи с добавлением дифтонга *ɛ̥*⁶ (примеры, заимствованные у других авторов, мы приводим в их орфографии). Ударение в большинстве случаев падает на второй от конца слог. Апостроф обозначает мягкость. Для облегчения чтения записи вместо знаков, обозначающих паузы, используются знаки препинания⁷, кроме того, несмотря на то, что конечный звонкий согласный в говоре оглушается, мы прибегаем в таких случаях к морфологическому способу записи, отмечая его как звонкий (например, *toz* ‘этот; он’, а не *tos*, и т. д.)

Систему склонения личных местоимений в говоре на синхронном уровне сложно восстановить в полном виде, исходя из имеющегося материала. Поэтому для заполнения некоторых ячеек таблицы мы привлекли материал А. Мазона и М. Куртьяда (в этом случае формы находятся в фигурных скобках; если синхронный материал для данной ячейки отсутствует, то ячейка закрашена серым). В тех случаях, когда диахронический материал не соответствует тому, что мы наблюдаем, в одной ячейке помещаются обе формы:

Единственное число

	Полные			Краткие	
	Nom	Acc	Dat	Acc	Dat
I	jas, jesa, jeska(j) ⁸	m̥ene, mene		me	mi
II	ti	tebe		te	ti
III	toz(i), toj	nego, {togva}	tomu	go, gu, o	mu
	taz(i), taa	{taz}	{t̥äz}	ja, jo, go	je, mu
	to	nego, {toz}	{tomu}	go, gu, o	mu

⁶ Подробнее об этом дифтонге см. (Šrámek 1934: 174, Courthiade 1993: 253–255). Позиционно он совпадает с дифтонгом, который А. Мазон записывает как *ʲä*; впрочем, этот автор указывает, что в речи бобошницкой молодежи (т. е. отцов и матерей современных носителей диалекта) вместо *ʲä* может произноситься *ʲe* (Mazon 1936: 16). Б. Видоески записывает этот дифтонг как *j+a* (Видоески 1981: 754) и возводит его к сочетанию *ja* (*ʲaskaj*), *ě* (*bjal*, *nʲaščo*) или *ę* (*ʲazik*).

⁷ Точка — долгая пауза в конце законченного периода;
запятая — пауза внутри периода;
многоточие — незаконченный период;
кавычки — речь других людей.

⁸ У Штайнке и Юллы как вариант даются (*j*)esa и (*j*)eska(j), зарегистрированные ими в речи И. Кунешки.

Множественное число

			Полные		Краткие	
	Nom		Acc	Dat	Acc	Dat
I	ni(j)e		nas	nam	ni, ni(j)e	
II	vie		{vas}	{vam}	vi	
III	{tija}	ti(j)a,	{nij}	{t'ám}	i, gi	mu
	{t'ás}, {t'ázi}	ti(j)e, třeje, te				

Как и в болгарском и македонском, в кайнас противопоставляются полные и краткие формы личных местоимений и выделяются три падежа: Им., Вин., Дат. Как в болгарском (но не как в литературном македонском), у кратких личных местоимений 1-го и 2-го л. мн. ч. не противопоставляются формы Вин. и Дат. падежей (ср. болг. *ни* 'нас, нам'; *ви* 'вас, вам' vs. макед. *не* 'нас', *ни* 'нам'; *ве* 'вас', *ви* 'вам'). Однако, в отличие от болгарского и македонского, где Дат. п. полных форм местоимений образуется синтетически на основе Вин. п. (и, таким образом, Вин. п. превращается в своего рода *casus generalis*, ср. болг. и макед. *него* 'его' и *на него* 'ему'), в кайнас сохраняются особые основы Вин. п. (из которых по крайней мере две — Дат. п. 3 л. м. р. ед. ч. и 1 л. ед. ч. — зарегистрированы и в современном материале). Обращает на себя внимание обилие вариантов форм, связанное как с особенностями произношения, так и с размытием противопоставления между разными формами и их совпадением в одной общей.

Далее хотелось бы остановиться по очереди на основных формах таблицы.

MIENE/TEBE: Go *mame* *zakon* šo ti šo *esi* *prietel*' u *mīene*, *jeskaj* da te *kānakvam tebe*, so *tjes* ščo *imam* (EM).

Полные формы *mīene*⁹ и *tebe* встречаются в нашем материале с предлогами (*u mīene*; *za mēne* и под.) или в конструкции с местоименной репризой (*da te kānakvam tebe*) — по-видимому, правила ее употребления не отличаются от правил литературного македонского (и болгарского) языка (где полные формы используются только с предлогами, в случае логического выделения и в неполных предложениях).

ME/MI и TE/ТИ: *i nje* ka da *velime* *esme* *daleče* i ka ti *me* da *činiš* i *jeska* *kāžav* da *te* *činam edhe*; *i me* *reče*, *mi* *reče*, *nemoj* *kāža* (EM); *spolajte*, *ne me* se

⁹ Штайнке и Юллы регистрируют один раз в речи И. Кунешки *mēne*; Э. Манчо использует только форму *mīene*.

pře; toj **me** uvěři, sje se mnógo dóbri l'júdi, svje íme e dóbro (IK-StY). Обращают на себя внимание случаи смещения Вин. и Дат. падежей 1-го и 2-го л. ед. ч. (*me* vs. *mi*; *te* vs. *ti*). Во всех случаях смещения форм в бобоштенском диалекте *me/te* используется вместо *mi/ti*, но никогда не наоборот. Здесь также возможно влияние албанского языка, в котором формы Вин. и Дат. падежей местоимения 1-го (и 2-го) л. ед. ч. совпадают: *më*._{1sg.Dat} и *më*._{1sg.Acc}, *të*._{2sg.Dat} vs. *të*._{2sg.Acc}. Местоимения *mi* и *ti* используются и как притяжательные клитики: в этом случае они ставятся после определяемого слова.

TOZ(I)/TOJ, TAZ(I)/TAA, TO: Za **toz** se vel' i Nikulica; I **toj** se klava vo eden itis; "Dobro", mu reče **taz**, i otidoje kaj kaštata; koga se čini ena kašta nova, i togaz grej popo, kada esti storena, **taa** esti kinisana (EM); **Tozi** esti od Gārcija, uzo se zove (IK); Nre, **to** jesti, **to** tie ese rabota *ingjenerike* za kaštata (EM).

В говоре указательные и личные местоимения 3-го л. совпадают. Кроме того, местоимения муж. р. могут использоваться вместо ср. р. (ср. *za toz* 'для этого', ср. болг. *затова*, макед. *затоа*).

GA/GO/GU/O; JA/JO/JO/JE; MU; NEG: I **toj** majstoru reče, ne **ga** ubrejte. Nre nre, reče majka mi, ubij **go**; Ža mu go davrejme kravajčeto, i ža mu vel'ejme, kravajčeto nje **gu** mame simbol', šo kravajčeto šo esti blago, sika da esti blago i družbata... naša; otvori **go** portata, mu reče (EM); jas ke o ftāša što ímaše jēna žēna što pomōgnaše tāmo (IK-StY); No togaz činreše pret-šest nedrel'e detreto šo esti rodeno i se karstreše. Gredreše **joj** kumo, odreje vo cārkva so voda toplā kad je karsten'eto; Nre, ne se prodadvi tua. Jeska je imam dadeno; Gredreje pret-šest čel'et u majka je, majka je be len'ata vo postel'e, i **mu** vel'eje, čel'eta šo vl'egvreje, **mu** vel'eje imreto ka **mu** klavaa; Ka se žen'eše čupata, tatka **mu** mu zavedreše vo mažo, **mu** davreše pamet. *Florinj*. I sas se viki prika (EM); i **mu** ga dal na négo; e bre táka, mo **gu** rékaj, mo **gu** rékaj¹⁰; ímaše kúžina da **go** pomóže na l'júdite; ko jo zēma si ódi po kaštata, urkáje kašta, da mu dávat pári (IK-StY).

К. Штайнке и Дж. Юллы дают в качестве синонимических формы *gal/go/gu*. Чаще всего (и в речи И. Кунешки, и в речи Э. Манчо) используется форма *gu*. Поскольку это безударная клитика, то во многих случаях качество гласного (*o* или *u*) определить достаточно сложно; впрочем, в нескольких случаях встретилась и клитика *ga*. По-видимому, эти три клитики совершенно синонимичны. В речи Э. Манчо, насколько можно судить по обработанному нами материалу, краткое местоимение *gu* используется для всех трех родов (как в албанском — *e*._{Fem.Acc} = *e*._{Masc.Fem}). А. Мазон и М. Куртъяд указывают, что местоимение Вин. п. *go* используется только для м. и ср. р., а для ж. р.

¹⁰ Возможно, оговорка вместо *mu go rekaj*.

используется местоимение *jo*: очевидно, в речи Э. Манчо произошло сокращение парадигмы (впрочем, она использует *joj* в значении притяжательного местоимения ср. р.: No togaz činješe pret-šest nedjel'e detreto šo esti rodeno i se karsteješe. Gredješe **jo**j kumo, odjeje vo carkva so voda topla kad je <sic> karsten'eto). В то же время, в речи И. Кунешки местоимение *jo* используется для женского рода вместе с местоимением *go*, ср. otvóri **go** portáta; **go** stvori sos rabóta, no i vodáta ... ko **jo** zéma si ódi po káštata (IK-StY).

Полное местоимение *nego* зарегистрировано только в речи И. Кунешки, а аналогичного местоимения ж. р. в записях не найдено. Дат. п. местоимения 3-го л. для всех трех родов (а также для мн. ч.) совпадает — *tu*. Как притяжательные используются местоимения *tu* (для всех родов и чисел) и *je*, при этом они могут быть синонимичны: I urnem otide, go doneš seštra **je** p*ri* majka **je** (хотя следовало бы ожидать как минимум *seštra tu*, поскольку действующее лицо — мужчина). Здесь уже нельзя видеть прямое албанское влияние, поскольку в албанском языке, в отличие от балканославянских, притяжательные местоимения образуют независимую от личных местоимений систему (ср. притяжательные местоимения *motra e tij* 'его сестра', *vëllai i tij* 'его брат', *motra e saj* 'ее сестра', *vëllai i saj* 'ее брат' и личные местоимения *E shikoj atë* 'Я вижу **ego/ee**', *I shpjegoj atij/asaj mësimin e ri* 'Я объясняю **ему/ей** новый урок'¹¹).

NIE/NI/NAS/NAM: I **ni** vel'e: storrete sami, za ot decete vaše, ot selo. Toko **nie** nemame decje... djeje; **nie** ne umirame žoš nemame marrëdhenje so Bulgarija; Imame ustanato Bulgarija, toko ne zvješe nikoj kašo da **ni** veli **nam**, ža odime ili ne ža odime; I **nie** kaj vel'ime se rodi edno čtendo, naprimer, i dojdoje u **nas**, u mje, mi rekoje šo vnukot tvoj rodi čtendo. (EM); nášiot, nášijat dăržáva sákaše da čmaše nékoj dolári mu trébaše i tógas ni rékoe na **nas**, na **nas**, sel'jáni (IK-StY).

Между формами *ni*, *nas* и *nam* сохраняется противопоставление (*nas* и *nam* — «полные» формы местоимения, *ni* — «краткая»). К. Штайнке и Дж. Юлы указывают, что форма *nie* может использоваться как синонимическая для *nas* и *ni*. Скорее всего, это характерно только для речи И. Кунешки, но не Э. Манчо.

VIE/VI: i **vje** nemate šo da ni činite; ne ni trebi niš, toko družbata šo **nje** storime so **vas**, trebi **nje** da go dardžime (EM); šo **vi** interesira albanskata jazik (IK).

¹¹ *E* и *i* — краткие формы местоимений винительного и дательного падежа; *atë* и *atij/asaj* — полные. В данных предложениях происходит местоименная реприза.

К. Штайнке и Дж. Юллы указывают следующие формы косвенных падежей этого местоимения: *vilvas/vie*. А. Мазон и М. Куртъяд упоминают также форму *vat*, однако она не зарегистрирована ни у Штайнке и Юллы, ни в нашем материале.

TI(J)A/TI(J)E/TIJEJE/TE/I/GI/MU: I **tija** pišea, ka da kaža o[volj] v̄reko s̄res č̄rendo, so koga ža se maži, ža se ženi, šo rabota ža čini, ža esti so sm̄ten'e ili ža esti so plačen'e, i sika; so tri dni **tija** da gr̄ede; nesti vo rakata naša, mu rekoj šo, **tija** mi rekoja, ako ni vel'e ža odime, ža odime, ako n̄e, ne ža odime, šo se činite tolkav merak; i s̄res se čin̄eje žoš n̄e m̄eje mnogo znan'e, shkenca, ne m̄eše shkenca, i **treje** da se brane od neštata slabo; Ža odime da, vo Bulgarija, toko storiti te dokumentiti; **Te ese**, **tes m̄esta ese** so, mladiti ne zn̄e a n̄e stariti go zn̄em (EM); ot André Mazón se dve kn̄igi, **gi** zn̄ate, párvata i vtórata; dobre do ka dójde vójnata ne se móžeš da **i** púšta túka tija tózi pári; da **mu** r̄ečite na sel'jánite za da, za da látat; Eden sin tógav, dur posl'édnite gódini beše glávn̄iot čóvek na demokrácata pártja vo Rumánja, zn̄ači **te** se gárnati itámo (IK-StY).

По описанию А. Мазона, указательное местоимение мн. ч. совпадает с личным местоимением 3-го л.: *tija, t'äs, t'äzi*¹². М. Куртъяд дает только одну форму личного местоимения (и не приводит форм соответствующего указательного местоимения): *töz* [t̄ez]. К. Штайнке и Дж. Юллы описывают вместе и личное местоимение 3-го л. мн. ч. 'они', и указательное местоимение мн. ч. 'эти'. В речи Э. Манчо указательное и личное местоимение совпадают: *tí(j)a / tí(j)e / t̄eje / t̄ez / te* 'они, эти', при этом от противопоставления по роду не осталось и следа.

Даже предварительное исследование системы местоимений говора показывает значительную вариативность как в речи одного носителя, так и между речью отдельных носителей. Говор испытывает сильное влияние со стороны литературного албанского языка. Наблюдается расширение функций отдельных грамматических элементов, сокращение целых парадигм. Ряд грамматических элементов начинает восприниматься как синонимический (местоимения первого и второго лица единственного числа в дательном и винительном падеже). При этом говор всё же продолжает сохранять свои коммуникативные функции и по-прежнему содержит важные архаические особенности, представляя собой уникальный пример архаического диалекта, развивающегося инновации под иноязычным влиянием.

¹² При этом последние две формы взаимозаменяемы.

Литература

- Видоески 1981 — Видоески Б. Бобошница // *Fonološki opisi srpskohrvatskih/hrvatskosrpskih, slovenačkih i makedonskih govora, obuhvaćenih opšteslovenskim lingvističkim atlasom*. Sarajevo, 1981. S. 753–761.
- ОЛА 1994 — Общеславянский лингвистический атлас. Вступительный выпуск. Общие принципы. Справочные материалы. М., 1994.
- Спасов 2001 — *Спасов Љ*. Говорот на Бобошт(шч)ица денес (врз основа на нов снимен материјал) // XXVII Научна конференција на XXXIII Меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура. Скопје, 2001. С. 227–231.
- Courthiade 1988 — *Courthiade M*. Les derniers vestiges du parler slave de Bobošica et Drenovene (Albanie) // *Revue des études slaves* 60/1. P. 139–157.
- Courthiade 1993 — *Courthiade M*. Un parler slave singulier: le “kajnas” d’Albanie orientale // *Balkanica Posnaniensia. Acta et studia*, VI. P. 237–326.
- Dhamko 2010 — *Dhamko S. T*. Boboshtica. Histoire. [Б.г.], 2010 (Рукопись).
- Mazon 1936 — *Mazon A*. Documents, contes et chansons slaves de l’Albanie du sud. Paris, 1936. (Bibliothèque d’études Balkaniques – V).
- Mazon, Filipova-Bajrova 1965 — *Mazon A., Filipova-Bajrova M*. Documents slaves de l’Albanie du sud. II. Pièces complémentaires. Paris, 1965. (Bibliothèque d’études Balkaniques – VIII).
- Šrámek 1934 — *E. Šrámek*. Le parler de Boboscica en Albanie: étude expérimentale d’une prononciation // *Revue des études slaves* 40/3–4. P. 171–203.
- Steinke, Ylli 2007 — *Steinke Kl., Ylli Xh*. Die Slavischen Minderheiten in Albanien (SMA). Teil 1. München, 2007.

Summary

M. M. Makartsev

The system of personal pronouns in the Slavic dialect of Boboshtica (rrethi i Korçës, Albania)

There are only 6 speakers of the archaic Slavic dialect living in Boboshtica, all that is left of the formerly monolingual autochthonous Slavic population of this village. All these speakers are monolingual and Albanian is the main language for communication for them. The name they use for the dialect is *kajnas* ‘like us’ or ‘at us’. Though the data we have is limited, it contains almost all personal pronoun forms. The system generally corresponds to what we find in Bulgarian and Macedonian (3 case forms: N, Acc, Dat; long vs. short forms; no opposition between Acc. and Dat in 1st and 2nd Pl, like in Bulgarian). At the same time, specific Accusative stems (like *nam* ‘1pl.Acc.’) are still in use. In 1sg and 2sg the short forms for Acc. and Dat. are mixed, which can be a result of an influence from Albanian. Indicative and personal pronouns (3rd person) match. Elpi Manço uses 3sg.Acc *go* for all the 3 genders; Il’o Kuneshka uses *jo* for 3sg.Acc.Fem together with *go*. 3sg/pl.Dat is *mu*, but the feminine possessive pronoun *je* can be used as well, sometimes even for masculine nouns. Here we cannot trace any

direct influence from Albanian, because in that language possessive pronouns are separate from personal.

Even a preliminary study shows a huge variety between the forms used between different speakers. Some grammatical elements broaden their use; other disappear at all. At the same time the dialect still retains its communicative functions, thus presenting a unique example of an archaic dialect, where innovations are spread under foreign influence.

Приложение. Тексты на славянском диалекте с. Бобоштица

*Сказка о мертвом брате*¹³

ММ: [А пели ли в Вашем селе песню о матери, у которой были сын и дочь, которую выдали замуж в далекое село, а сын, который должен был ее привезти домой, умер?]

ЕМ: Da, Kostandinice mlada, *jo*, *nje* Kostanidinice mlada, na kajnas jezik nie go mame druga, Kostandinice mlada nevjesta. Saz pjesna zborvi za Kostandine šo go zvije asker, a soz šo velite vie, esti sipas, ne se pje so glas, šo velime nie, toko se razkazi, se razkazi va.

ММ: *Përallë*¹⁴.

ЕМ: E, *përallë*, da. *Bješe ena majka, imješe... Kishtë nëntë djem, ishte dhe një vajzë, Gjeraqina bješe vajza, dhe*¹⁵... i Gjerakina ža se ženje, ža se mažeše mnogo mnogo daleko, brakata nejkeje da go žene, da go maže telka, daleko, žoš nema koj da odi da go zemi, da se vrati vo kaštata. Eden djeete, po malečok bje, šo se zovješe Kostandini, mu reče šo, “Ža oda i, i ža go zemam koga da poi ki majka mi, jeskaj ža oda i da go zemam, toko ža go ženime tamo”, toko imje besa¹⁶. I se stori šo sviti brat umrjeje, i oštana šo nemješe ko da odi i da go zemi Gjerakina da go dovedi u majka je. I majka je oštana napri, plačeše, i mu velješe Kostandinu, “Štani Kostandine, da dardžiš zboro šo mi imaš dađeno, da odiš da zemiš Gjerakinata i da mi go donesi doma”. I odješe svjeno vo grobo, šo plačeše. I se veli, prikaznata se veli šo *Kostandini* štana od grobo, i s kamen'ata okolu grobo mu se storteje kon, i so rubješe šo imješe ublečeno, vljeza nad konu i otjde u seloto džje bje mažen a Gjerakina. Gjerakina toko... i bješe oro, vo eden mjesto,

¹³ Записана от информантки Э. Манчо.

¹⁴ Сказка (алб).

¹⁵ Было у нее девять сыновей и одна дочь, дочь звали Джерачина, и... (алб. и кайнас).

¹⁶ Клятва, беса (алб).

*shesh*¹⁷ mu velīme nje, selutomu, i ka go vīde Kostandīna šo otīde tamo, taz se, mnogo se zaradva, i pobren'a od oro, i otīde go vtasa i go stana. Toko toj mu reče, "Bargu", mu reče, "Žoš nemame vīeme, ža se čini nojča", toko Kostandin imreše *njollë*¹⁸ mu velīme nje, po rubjete. Ka mu se vel'e bulgarski *nuk e di, njolla, pulla*¹⁹. Ja ka se čini, sika ese *njollë, e, njollë*. I mu reče, "Žoš esi sika", mu reče, i derdžin merišiš, nemaš duša dobra, toko imaš duša od kal, (<...>), imaš duša od kal. "Ustavj zbori", mu reče Kostandin, "toko vlrezi nad kono, i ajde da begame". "Čekaj da odam doma da ublrečam rubjete". I mu reče, "Ako ža dojda za dobra, da se ublrečam masno, ako ža dojdam za slaba, da se ublrečam vo čarno". "Nre, sika kaj šo esi", mu reče Kostandini. Vlrezi nad kon'o, vlrezi nad kono i pobena ae, pobena ae, stasaje vo portata, i Kostandin mu reče, "Baraj vo portata ti, da oda jes kaj da vardzam kono, šo da ježi nreš, žoš ža se vine mnogo u majka ti". "Dobro", mu reče taz, i otidoje kaj kaštata, toj otīde i vlreje vo groba, opet, Kostandin. Tropna vo portata, ižlreze majka mu, mu reče, "Koj tropi na... vo soj vapē²⁰?"

[В этот момент пришла соседка информантки. Интервью возобновилось примерно через два часа и мы попросили Эльпи продолжить сказку с того же места]

EM: Toj se dijna vo grobo, a Doruntina otīde vo kaštata, tropna vo portata i ižl'eze majka je, upita, "Koj e", i mu reče, "Jeskaj jesam Doruntina". "Žoš me mamiš?" mu *thotë ajo*²¹. "So kogo dojde ti, Doruntina?" "Jeskaj dojde so Kostandina", mu vel'eje... Doruntina. "Šo zborviš mua²²", mu veli majka je, "Kostandini tre godini umrjen, žoš nesti *trejur*²³", ne znam ka mu se veli kajnas, žoš nesti *tretem, domëthënë nuk është tretur akoma në dhë*. "Ti je bërë skelet", *si e themi ne*. "Jo," i *thotë*. "Kostandini ka vdekur", i *thotë*, "mos më gënjej!²⁴ ti ža esi nekoja <moča> ili nekoja, nekoj bolest, šo ima dojdено da mi zemiš i mrene". I otvori portata, go vīde majka je i se bačvaje, i koga se bačvaje, umrjeje i jena pana nadvor vo (<...>) drugata pana vnatri. Sika. Toko tua vo Boboštica ne se zborvi mnogo za toz. Ima i varianti drugi, ena se veli Doruntina, ena se veli Kostandina, ena, sika. Toko vo daskala se učreše.

MM: [В албанской школе?]

¹⁷ Площадь (алб).

¹⁸ Пятно (алб).

¹⁹ Не знаю... пятна, пятна (алб).

²⁰ Жара (алб).

²¹ Сказала она (алб).

²² Мне (алб).

²³ Разложился (алб).

²⁴ Разлагаться, то есть, он еще не разложился в земле. «Ты стал скелетом», мы так говорим. «Нет» — сказала она ей. «Константин умер, — сказала она ей, — не обманывай меня!» (алб.)

EM: Vo albanska daskala. I ana morale²⁵ na saz prikazna ešti so <sic> Kostandino go dardži besën. E mbajti besën²⁶. I umren otide, go donese sestra je pri majka je. Go razberviš? Saz esti ana morale.

MM: [Есть ли эта сказка на кайнас?]

EM: Nje. Vo kajnas nje.

MM: [Только по-албански?]

EM: Vo albanski. Vo kajnas nje. Vo kajnas esti toj šo, ti rekoj, ima çarno je, kratkoumen, i Kocomijata šo pana vo taranata, i şika. Ese mnogo stare, prikazne, sres. Šo im praveje babjete, kladeje deçin'ata, bukiti vo son. I dardžeje vo skuto i so sres prikazne im davteše sono.

*Mare mori Mare — Marie moj Marie*²⁷

Mare mori Mare
Zhashto bello tkesh
I koga çerna nosish
Ali tatko zhalish
Ali stara majka
Ni ti tatko zhalam ni ti stara majka
Samo si go zhalam
Mojto përvo libe
Vojnik mi otide
Vojnik mi otide tri godini i dani
Doma ne se vrati
Samo mi se vrati
Negovoto konçe
Na konçeto pismo
Na pismoto pishi
Omazhise Marie
Za shto ja se uzhenaj
Za vo çarna zema

Marie moj Marie,
Pse pëlthurë të bardhë end,
Dhe cile mban zi,
Babanë mban zi,
Apo nënën plakë?
“As babanë as nënën nuk mbaj zi,
Vetë e mban²⁸ zi
të dashurin e parë,
ushtar më vajti,
ushtar më vajti tri ditë e tri vjet,
Ne shtëpi s’u kthye,
Vetë u ktye,
Vetë u kthye kali i tij,
Mi kalë një letër,
Në letër shkruan,
Martuju Marie,
Pse unë u martova,
Me tokën e zezë.”

²⁵ Мораль (алб).

²⁶ Клятву. Сдержал клятву (алб).

²⁷ Этот текст и следующий за ним записаны Э. Манчо параллельно на кайнас и на албанском языке (в котором прослеживается влияние корчанского городского диалекта). Орфография оригинала на кайнас сохранена. Орфография албанского текста приближена к литературной: уточнено написание похожих букв (*i* и *j* в некоторых позициях, *ë* и *e*). Лишние символы находятся в косых скобках; символы, которые должны стоять на их месте — в квадратных. Более масштабная правка вынесена в примечания. Мы благодарны Й. Шемко и И. Шкрели за помощь в нормализации албанского текста.

*Kocomijata sho pana vo taranata — Kocomiu që rra në t[ë]ran*²⁹

Na bjeshe eden star i ena starica, sho bjeje mnogo rabotlivi[,] toko nemjeje çelet.

Za çelet storiye eden gllushec i mu klladoje imjet “Kocomija”.

Starata kaj majka go nauçjeshe Kocomijata[,] sho da çinjeshe svjete rabote po kashtata i da pravjeshe i varenje.

Eden den staro i staricata pobenjaje na niva da rrabote i go poraçi starata; Kocomijata

— Da çinish svjete rrabote po kashtata i da ni varish tarana; toko taranata koga da go boravish[,] da go boravish so allxhicata goljema[,] nje so allxhicata maleçka. Zhash da ne panish vnatri vo tenxherata so tarana i zha se poparish.

— Dobre[,] mu reçe Kocomijata i i provodi starata i stareco. Kocomijata i stroi svje rrabotjete i fali da izvari taranata[,] toko zaboravi da go nakatosvi taranata so allxhicata golema i go nakatosva so allxhicata maleçka i pana vnatri vo tenxherata i se popari.

Dojdoje ot nivata i staro i staricata[,] vlegoje vnatri[,] rrabotjete bjeje storene[,] toko Kocomijata ne se pulej nide.

Vikna starata okollu i vnatri kashtjetum[:] “more Kocomija gjesi[,] more

Na ishte një plak dhe një plakë që ishin shumë punëtores, po që s’kishin fëmije.

Për fëmijë e bënë një miush dhe ia vunë emrin “Kocomija”³⁰. Plaka si nënë e mësonte Kocomijata si të bënte të gjitha punët e shtëpisë dhe të gatuantë.

Një ditë plakun me plakën shkuan në arë që të punojnë dhe e porositi plaka Kocomiun:

— Të bësh të gjitha punët e shtëpisë dhe për drekë të na zjesh t[ë]ran. Po t[ë]ranin kur ta zjesh ta trazosh me lugën e madhe, jo me lugën e vogël, [se]pse mos biesh brenda në tenxheren me t[ë]ran dhe përvelohesh.

— Mirë, ju tha Kocomija dhe i përcolli plakun dhe plakën.

Kocomija i bëri të gjitha punet e shtëpisë; dhe shtiri të zjesh t[ë]ranin. Po kur e shtiri t[ë]ranin në tenxherë, në vend që të mer[r]te lugën e madhe ashtu si e porositi³¹ plaka, ajo³² mori lugën e vogël[,] përzjeri tranin dhe ra brenda në tenxhere e u përvelua.

Erdhi nga ara plaka me plakun, hynë brenda, të gjitha punet ishin të bëra; mi zjarr ishte tenxherja me t[ë]ran; po Kocomija nuk dukej gjëkund.

Thiri plaka rreth e rrotull shtëpisë,

²⁸ Должно быть *mbaj*.

²⁹ Алб. *trahana*, -ja — каша из дрожжевого теста с молоком.

³⁰ Здесь и далее имя главного персонажа используется то в албанской форме, то в славянской. Мы не унифицировали это.

³¹ Должно быть *si e kishte porositur*.

³² Должно быть *ai*.

gjesi[,] nije dojdome ot rrobotata[,] gjesi more[,] gje?”

Toko nikoj ne mu zborvjeshe. Starata vide sho ne bjeshe allxhicata maleçko[,] zhosh vo ena pjata imjeshe ustaveno allxhicjete.

[“]Obo-bo[”], vikna staricata starutomu.

— Kocomijata ima panato vo tenxherata so tarana[,] zhosh guma boraveno taranata so allxhicata maleçka.

I taka bje istina.

Koga go boravi starata taranata[,] Kocomijata bje vnatri, poparen. Mnogomnogo se domarznaje starata tarna kosta ot gllavata, stareco i tarna musnicjete nad noso.

I vljeze vnatri eno vrapçe tarçeniçkum u vida starata bes kosem[,] staro bes musnice i mu rreçe[: “]Zhosh este sika?[”]

[—]Ustavise more vrapçe “Kocomiata ni se popari vo taranata[”].

Vrapçjet tarna pendosqete ot bishto; sjede nat oxhako; oxhako go vide bes bisht i mu reçe: [“]Zhosh esi sika?[”]

[—] Nego znjesh ti sho ima ngjanisno[, —] i mu reçe vrapçjeto? Sika — i sika[:] ka go çu oxhaku i se izurva i kamenjata panoje dollu.

Vrapçjeto taka koj sho bje otide vone dervo so llapqe i mu prikaza sho imjesh ngjanisano. Derrvoto so llapqe se u mërza mn[o]go i izurva dollu svjete llapqe, tamo otide eden prase, prasjeto mu rreçe llapqetem[: “]Zhosh

hyri brenda dhe thër[r]iste: “More Kocomija, ku je more, ku je?” pa asnjë përgjigjë nuk merrte. “Neve erdhëm nga puna”, plaka sillej rrotull; kur mi pjatë shikon që nuk ishte luga e vogël, “Obo[-]bo”, i thiri plaka plakut.

— Kocomijata ka /r/rënë në tenxherën me t[ë]ran, [se] pse e ka përzierë t[ë]ranin me lugën e vogël.

Dhe ashtu ishte vërtet.

Kur plaka e përzjeu t[ë]ranin, Kocomijata ishte brenda perrë. Shumë shumë ju mërzitën. Plaka hoqi leshrat koka, plaku /ç/[sh]kuli mustaqet nënë hundë. Ozhaku që ishte afër u rrëzua i tëri nga dëshpërimi. Hyri brenda një rabeckë³³ duke nxituar dhe pa plakën pa leshra, plakun pa mustaqe, oxhakun të renë, dhe u tha:

— Pse jini kështu? Ç’/farë ka ngjarë?

— Lëre moj robecke, lëre, Kocomija është përveleuar në tenxherën me t[ë]ran.

Rabecka nga dëshpërimi /ç/[sh]kuli pendët nga bishti. Rabecka ashtu siç ishte fluturoi në një dru, që ishte mbushur plot me mollë. Druri i mollës kur e pa rabeckën pa bisht i tha:

— Ç’/farë ka ndodhur?

Rabecka ia tregoi të gjitha.

Molla u dëshpërua shumë dhe nga dëshpërimi i rrezoi i të gjitha kokr[r]at poshtë.

Atje na vetë një derr dhe i thotë:

— Pse i ke rrëzuar të gjitha kokr[r]at? Dhe molla i tregoi ngjarjen.

³³ ‘Воробей’. Здесь и далее в оригинале *robeckë*.

imashe izurvano svjete llapqe?[""]; llapkata mu prikazha[: “]Sika i s[i]ka ima ngjanisano["].

I prasjeto mu rreçe[: “]Mn[o]go dobre; svjete sjes llapqe zha izjedam je["]. I taka stori praseto[,] izjede ena po ena svjete llapqe i reçe.

[—] Dobre mu se stori Kosomiu-tomu[,] zhosh toj ne stori kaj sho go poraçi majkata.

Majqjete trebi da i çuvime[,] zhosh tjes znje po veqe i po mnogo ot ine.

I sika starata i stareco ustanæ bes Kocomiata opet sami. I zhive i rrabote eshte vo tas kashta maleçka vo toj sello. Zha odime da i vidime.

— Shumë mirë iu bë Kocomijës³⁴ — tha deri pa i erdhur fare keq — te gjitha këto molle do t'i ha unë.

Dhe ashtu bëri, i hëngri të gjitha mollët një e nga një dhe tha:

— Mirë ju bë Kocomiut pse ai nuk bëri dhe nuk dëgjoi nënën e tij.

Nëna starata dinte më shumë dhe ishte më e madhja, prandaj porositë e prindërve duhet t'i dëgjojmë³⁵. Dhe kështu plaka dhe plakun mbetën përsëri vetëm pa Kocomiun, po shumë punëtorë.

Dhe jetojnë e punojnë në atë kasollën e tyre në atë fshat. Në atë fshat do vemë³⁶ dhe ne t'i takojmë dhe t'i shikojmë, dhe të mësojmë prej tyre.

³⁴ Должно быть *Kocomiut*.

³⁵ Должно быть *Nëna plakë dinte më shumë dhe është më e madhe, prandaj porositë e prindërve duhet t'i dëgjojmë*.

³⁶ Должно быть *do vemë*.